

ности: о самоценности индивидуальной жизни, о свободе и насилии, о сущности исторического прогресса. Те же проблемы подняты Р. и в автобиографической повести **«Прощай, БДТ (Из жизни театрального отщепенца)»**.

Продолжением и развитием этих двух линий — философско-фантастической и автобиографической — явились новые романы: **«Ностальгия по Японии: Гастрольный роман»** (М., 2001) и **«Гастрольный роман: Ностальгия по Японии»**, который готовится к печати. Ждет опубликования и итоговый сб. стихов Р. с характерным названием: **«Сквозь прозу»**.

Соч.: Актерский цех. Ташкент, 1962; Опять пришла пора. Ташкент, 1974; Вид с моста. Л., 1984; Возвращение. Ташкент, 1987; Прошедший сезон, или Предлагаемые обстоятельства. Л., 1989; Узлов, или Обращение к Казанове. СПб., 1994; Прощай, БДТ! СПб., 1999.

Лит.: Васильевский А. В. Реценпер. Представление // Новый мир. 1982. № 12; Палей М. Пусть будет дверь открыта // Лит. обозрение. 1988. № 2; Филиппов Г. Поставангард? Традиционность? По поводу романа Владимира Реценпера «Узлов, или Обращение к Казанове» и о другом // Звезда. 1996. № 12; Рассадин Ст. Отщепенец Реценпер, или Гамлет, который выжил // Знамя. 2001. № 12.

Г. В. Филиппов

РЕШЕТОВ Александр Ефимович [21.9(3.10). 1909, д. Осетки (ныне Псковская обл.), недалеко от уездного г. Невеля — 26.12.1971, Ленинград] — поэт.

Родился в многодетной крестьянской семье, уделом которой были бедность и тяжелый труд на земле. После окончания начальной школы Р. поступил в Невельскую школу 2-й ступени. «Поступление в среднюю школу было большим событием в семье — ведь за всю неписаную историю нашего рода никто не уходил учиться дальше сельской приходской школы. Да и во всей деревне это был первый случай» (Решетов А. Стихотворения. М.; Л., 1963. С. 8). Проучившись 2 года в Невеле, Р. прервал занятия и приехал в Ленинград, с которым и оказалась связана дальнейшая судьба поэта. Окончив ФЗУ Табачного треста, Р. работал слесарем на фабрике им. К. Цеткин и учился в вечерней школе. Новая жизнь, наполненная впечатлениями большого города, пробуждала желание выразить себя в поэтическом слове. Своими первыми опытами молодой рабочий делится на занятиях лит. кружка при ж. «Резец», который вел поэт А. П. Крайский (Кузьмин). В июньском

номере «Резца» за 1927 появляется его стих. **«Эй, паровоз, накручивай...»**. Вслед за ним Р. публикует стихи в ж. «Юный пролетарий», «Звезда», «Смена», «Красная нива», «Нива», «Октябрь», в газ. «Комсомольская правда». В 1931 выходит его первая книга стихов **«Так мы живем»**. По признанию Р., его стихи, биографичные в своей основе, писались по душевной потребности. В биографии поэта преломились пути, которыми приходили в лит-ру Б. Ручьев, Б. Корнилов, О. Берггольц, Я. Смеляков и др. Судьба и духовный мир поколения, начинавшего свой путь на индустриальной новостройке и в колхозе, прошедшего через Великую Отечественную войну и вступившего в послевоенную пору, преломились в поэтическом творчестве Р. Герои его ранних стихов — молодые современники: «парень из нарвских рабочих ребят», девушка со «Светланы»: «Я не знаю — поздно или рано / Песня запеваётся о ней. / Здравствуй, ленинградка со „Светланы“: / Светлый образ твой в душе моей».

Строительство города в Хибинах стало фактом гражданской и творческой биографии Р. Суровая красота Севера, природа Кольского полуострова не уведат, однако, и от «отчих истоков»: родная д. Осетки по-прежнему светит ему на пути нравственного и творческого самоопределения. Активен интерес Р. к судьбе и духовному миру человека-труженика. Он рисует портреты современников. Это и геологи Кольского п-ва, и «дочь на-

А. Е. Решетов

рода» актриса Корчагина-Александровская, и писатель А. Чапыгин. Творчество поэта и работа строителя, возводящего здания школ и клубов, едины в своей сути, и Р. дорожит приятнью таких людей, как ленинградский каменщик Илья Матросов, хранит «тепло его крепкой ладони».

Поэтическим циклом **«Северные стихи»** (1941) завершается довоенное творчество Р. С первых дней войны он на фронте. Родники чувств, воспевающих душу и зовущих на подвиг, поэт открывает в местах детства и юности. Поэма, написанная в 1943, названа **«Страна родная»**: «Мне цветы приснились луговые — / Огненные, / Дымно-голубые, / Пуха лебединого белей, / А иные / Синих глаз синей». Трагическая реальность войны и в патетике стих. **«Клятва»**, и в зарисовках фронтового быта, и в экспрессивной образности картин блокадного Ленинграда, и в мужественной скорби стих. о горе старого сельского учителя, у которого «сына в злощастном году / Оккупанты, изранив. / Повесили в школьном саду...»

После окончания войны Р. возвратился в Ленинград. Свой стихотворный цикл, которым открывается новая страница его творческой биографии, называет **«Я вернулся домой...»**. Не только гордость Победой, но и боль утрат, тревога и печаль, навеянные видом разоренной земли, горем и нуждой людей, окрашивают его стихи. Углубляются мотивы родины, ей поэт отдает «тепло невыдуманных слов». Недаром эпиграфом к сб. **«Старая родня»** (1947) избраны строки Ф. И. Тютчева: «Нет, моего к Тебе пристрастия / Я скрыть не в силах, мать-земля...»

Для Р. характерна способность в приметах явлений локальных видеть знаменательные черты времени. Таково стих. **«Лесной ручей»**, в котором затеана полемика с проявлениями иллюстративности в изображении масштабных свершений эпохи. Каких бы сторон действительности ни касался поэт, его не покидают мысли о главном — о родном народе, о его историческом пути и совр. судьбе: «Говорят, что думать о главном / Лишь с годами людям дано» (**«Хлеб»**). В поэзию Р. приходит та высокая простота, которая доступна таланту в его зрелую пору. Стихотворный цикл **«Мне в грустный час подумалось о том...»**, может быть, полнее всего выявляет творческую индивидуальность поэта: «За боль и грусть от всех моих потерь / Я не просил у жизни снисхождения, / Как мне назвать свой непокой теперь / Нежданного и позднего цветенья?» Образ человека, влюбленного в родную землю, доброго и слегка иронично-

го, встает в стихотворных циклах Р. 1960-х. Не мелочное стремление к самоутверждению, а беспокойная мысль о времени, тревога, вызванная проблемами жизнеустройства, определяют смысл и направление его творческих исканий. Р. развенчивает мнимые ценности в искусстве: «Я не люблю бумажные цветы / С их лживою красотью бездушной...» (**«Я не люблю бумажные цветы...»**).

В стих. **«Тщеславие»** сквозь грустную иронию прорывается озабоченность поэта судьбой совр. поэтического слова: «Мне жаль, что из движущих нашими душами сил / Тщеславие нас покидает последним».

Уроки нелегкой жизни и творческий опыт принесли в поэзию Р. не только новые темы, но и углубление мотивов, которые уже звучали прежде. Пейзажная лирика насыщается философскими размышлениями о коренных проблемах жизни, о долге человека перед ликом природы, о тяжелых последствиях нарушения законов разума и гуманизма. Таково, например, стих. **«Роща»**, в котором неизбежна мысль о родной природе как материнском лоне жизни, источнике красоты, приносящем людям покой и счастье, ощущение полноты бытия: «Пусть топор березу не ударит, / Тронь ее ладонью и щекой, / И душе мятущейся подарит / Роща величавый свой покой». Поэт с грустью говорит о редующих колхозных лесах, о нерадивых и жестоких вторжениях в природу: «Все мне думалось, кто-нибудь скажет / С болью в сердце об этой беде. / Нет. Некрасовской плачущей Саши / Я в колхозе не встретил нигде» (**«В одном колхозе»**). В сыновней преданности Отчизне Р. обретает смысл жизни и свою творческую позицию: «Отца и мать не выбирают — / Какие есть, таким и быть, / Не знаю, кто родному краю / Обиду смеет предъявить...» (**«Отца и мать не выбирают...»**). Нравственная непримиримость ко всему, что искажает лик жизни, выраженная в поэтическом слове, подлинном и исконном, снискали Р. признание читателей, с доверием внимающих его словам: «В саду моих стихов / Горчат плоды иные, / Но ядовитых нет...» (**«В саду моих стихов...»**).

Соч.: Стихотворения (1929–1949). Л., 1950; Дороги и думы: Стихи разных лет / предисл. С. Воронина. Л., 1963; Избранная лирика / предисл. Б. Ручьева. М., 1966; Из моих десятилетий: Избранная лирика / послесл. Л. Хаустова. Л., 1969; Запавшие в душу картины: Поэмы. Баллады. Стихотворения. Л., 1972; Перед лицом Пушкина / вступ. статья А. Хватова. М., 1974.

Лит.: Губко Н. Поэзия Александра Решетова // Невва. 1959. № 10; Соловьев Б. И. Поэзия и критика. М., 1966. С. 117–137; Пантелеймонов Н. С. Александр Ре-

шетов: Критико-биографический очерк. Л., 1974; Помозов Ю. Ф. Знал, видел, говаривал: Рассказы о писателях. Л., 1985. С. 170–183; Хватов А. И. Пути народности и реализма. Л., 1980. С. 315–332; Воронин С. А. Время итогов: Рассказы, очерки, статьи. Л., 1987. С. 213–219.

А. И. Хватов

РЕШЕТОВ Алексей Леонидович [3.4.1937, Хабаровск — 29.11.2002, Екатеринбург; похоронен в г. Березники Пермской области] — поэт.

Родился в семье ярко заявившего о себе на Дальнем Востоке журналиста, расстрелянного через год после рождения поэта. Отлученный и от получившей 5-летний лагерный срок матери, чей род восходит к известным грузинским фамилиям Нижарадзе и Церетели, Р. воспитывался у бабушки. «Может быть, поэзия от Пушкина до Петра Комарова, — признавался он позднее, — и стала мне родной благодаря бабе Оле...» О своем военном детстве Р. рассказал в автобиографической повести «**Зернышки спелых яблок**» (Пермь, 1963). Воссоединение с матерью произошло только в 1945. Спустя 2 года семья оказалась в г. Березники Пермской обл. Здесь после семилетки Р. поступил в горномеханический техникум, по окончании которого стал работать на соледобыче.

Начальные лит. опыты Р. связаны с прозой — в 1953 пермская молодежная газ. напечатала его первый рассказ. С 1956 наряду с рассказами в местной периодике стали публиковаться и его стихи. В 1960 Пермское книжное издательство выпустило дебютную книгу стихов Р. — «**Нежность**». В том же областном центре вышло и следующее собр. его лирики — «**Белый лист**» (1964, 2-е изд. 1968), заслужившее, в частности, одобрительный отзыв Б. Слуцкого. Взыскательный мастер, обратив внимание на то, что у ленинградского поэта Александра Решетова появился в поэзии уральский однофамилец, подчеркивал, что «пермский Решетов — настоящий поэт и заслуживает, чтоб его читали далеко за пределами его города» (Юность. 1965. № 8. С. 80). В 1965 Р. был принят в члены СП.

В стихах Р. человек поверяет себя природой, которая, в свою очередь, олицетворяется и одухотворяется. Если в первой книге автор предпочитал, чтобы «жизнь говорила сама за себя», то начиная с «Белого листа» авторское «я» в стихах «уральского Есенина» (такая аттестация стала сопутствовать Р.) все настойчивее выдвигается на первый план, насыщая строки дневниковой искренностью и исповедальностью: «Нет детей у меня. Лишь

стихи / Окружают меня, словно дети...» Расположенность поэта к экзистенциальной проблематике была истолкована идеологическими проработчиками как замыкание «в узком чуланчике личных творческих переживаний» (Звезда. Пермь. 1968. 21 июля). Как следствие — невозможность опубликоваться в течение 10 лет. Но, по свидетельству В. Астафьева, близко знавшего Р., «интеллигентный, тонкого вкуса и ума человек, он как писал свою интимную лирику, напоминающую вешнюю или преддождевую, музыкально звучащую капель, так и продолжает слагать ее» (Поэт свинцового века // Лит. Россия. 2000. № 22. С. 7). В том убеждают страницы его следующих книг — «**Рябиновый сад**» (1976), «**Чаша**» (1981), «**Жду осени**» (1985), которым сопутствовали публикации в ж. «Урал», пермских альм. и газ. «Стихи Решетова покоряют высокой простотой и естественностью», — писал В. Кожинов (Лит. Россия. 1978. № 35. С. 9), включивший поэта в круг авторов своей антологии «Страницы совр. лирики» (М., 1980; 2-е изд. 1983). Стих. Р. «**Светлолюбивые женщины. Они...**» вошло в книгу «100 шедевров русской лирики», изданную в Софии.

С 1982 Р., после трех десятилетий работы в шахте и на рудниках получивший пенсию, жил в Перми, а с 1999 — в Екатеринбурге. Авторитет поэзии и самой личности Р. среди литераторов Урала был безусловным. Его обеспечивало последовательное творческое поведение, неизменно выверяемое преданностью слову и убежденностью в том, что собственными стихами поэт творит не лит. свой образ, но самого себя. Сам Р. признавался: «...я люблю традиционную форму письма, мне кажется, что она ближе к единопониманию человечества. Просто в конце високосного нашего века, на ущербе собственной жизни, хотелось бы говорить сдержанней и разумней, чем прежде» (Кама. 2003. Вып. 3. С. 103). Н. Гашева, редактор мн. его «пермских» сб., уточняет сказанное поэтом: «С первой книги до последней лексика (и круг понятий) были выверены по высшему образцу: земля, небо, мама, отец, дом, хлеб, любовь, смерть... Фундамент любого языка. Фундамент жизни моей» (Кама. 2003. Вып. 3). Ей вторит В. Абашев: «Творческий масштаб Решетова позволяет без натяжек размышлять о нем в контексте общих проблем русской культуры. В его поэзии и творческой судьбе с фундаментальной простотой выразились ее узловые конфликты — искусства и жизни, эстетики и этики. Он глубоко усвоил этический максимализм русской культу-